

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССИИ

ПРИ

ПЕТРЪ ВЕДИКОМЪ

Копированъ въ Казани въ Типографіи Императорскаго Университета.

Въ годъ 1883 г. въ мѣсяцъ Іюль.

Въ Казани въ Типографіи Императорскаго Университета.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Александра Архангельскаго.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1883.

C 3325.16.50

✓

STANFORD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
MORTIMER DARY BOWLING FUND

Apr. 13, 1932

Печатать разрешается определением Совета Казанской духовной академии от 11-го мая 1883 года.

Ректоръ академіи протоіерей *А. Владимірскій.*

I.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

1) Умственное и нравственное состояніе духовенства въ петровскую эпоху. Вопросъ объ образованіи духовенства занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи Россіи до Петра Великаго. Это потому, что на духовномъ сословіи исключительно лежала обязанность просвѣщать русскій народъ: умственное развитіе послѣдняго шло только въ религіозномъ направленіи и непосредственно зависѣло отъ служителей церкви. Благодаря различнымъ историческимъ обстоятельствамъ, практическое рѣшеніе этого важнаго вопроса было далеко неудовлетворительно, несмотря на неоднократныя попытки передовыхъ людей до-петровскаго времени привести его къ болѣе или менѣе благоприятному концу. Препятствій къ просвѣщенію было множество, а средства бороться съ ними были ничтожны. Цѣлая столѣтія тянулась на Руси (скажемъ словами Шапова) замѣчательная по своей нерѣшимости борьба двухъ партій—приверженцевъ образованія и защитниковъ невѣжественной старины, борьба свѣта съ тьмою, разума съ предразсудками, о счастливомъ или не счастливомъ окончаніи которой нельзя было ничего предсказать. Съ одной стороны, немногочисленные поборники просвѣщенія „были тщаливы къ наукѣ, желали навывкати писаній“ и, если это имъ не вполне удавалось, съ благороднымъ смиреніемъ сознавались въ недостаточности своихъ свѣденій, глубоко сожалѣя о томъ, что „училища николиже видѣли“; съ другой — ихъ про-

тивники, люди до фанатизма и безъ разбора консервативные, неподвижные, „мнили ся быти учителя“ (по выраженію кн. Курбскаго) и убѣждали любопытныхъ ювошей „не читать книгъ многихъ“, чтобы „ума не изступитъ“. Благомыслящіе люди искали мудрости у свв. оо. греко-восточной церкви, пытались ознакомить читающее общество, кромѣ Псаломслова и псалтири съ отеческими твореніями на греческомъ и латинскомъ языкахъ; стали приобретать даже не одни церковныя книги, но и книги полезныя для свѣтскаго образованія; но старовѣры ужасались такого либерализма; „хапающимся за чужія языки угрожали проклятіемъ вселенскаго собора“, ревностно охраняя, въ тоже время, свое сокровище. — древнія книги съ застарѣвшими грубыми ошибками, побуждая тѣмъ самымъ правительство цѣлыми кучами сожигать это сокровище, въ устраненіе соблазна. Книги, наконецъ, стали рѣдкостью, а въ духовенствѣ и народѣ замерла потребность проевѣщенія; они сошлись, поровнялись вкусами и въ значительной мѣрѣ потеряли чувствительность къ различію нравственнаго и безнравственнаго. Богословствованіе сводилось къ вопросамъ: на какомъ деревѣ удавился Иуда? Кого мѣсяца сотворилъ Богъ Адама? и т. п., да и въ этомъ видѣ служило развлеченіемъ для немногихъ; нравственность же и религіозность часто понимались какъ обрядовад только исполнительность. Расколъ буйно возставадъ на патріарховъ и на соборы. Масса невѣжественнаго люда, оставляя законныхъ пастырей, съ энтузіазмомъ слушала таинственныя рѣчи лжеучителей о пришествіи антихриста, о близкой кончинѣ міра; пророками сдѣлались колдуны, вѣдуны, волхвы, чародѣи, лихія бабы и т. п., невозбранно обоготавшеся насчетъ народа. Церковь Божія, къ которой такъ радѣль когда-то русскій человекъ, обзывалась мерзостію запустѣнія, и дѣйствительно тысячами теряла своихъ чадъ; на святой Руси пошла поговорка: „что ни мужикъ, то — вѣра, что ни баба-толкъ“. А пастырей добрыхъ мало было, и ихъ негдѣ было взять. Во священники по-

студии. Бывшие отцы мужики: перьями из колодезь, которые так и оставались холопами до пробовой датский ярем, не покрывала ихъ умственного убожества. И не телобщала имъ: должнаго авторитета. Вѣдкость, дѣлавшая духовенство, держала и влоить прямой зависти мести отъ миряновъ, отнимала у него последнюю возможность поднаться нравственно. Онъ состояніи приходовъ не представлялось никакой отчетности. Высшая церковная иерархія мало знала опредѣленнаго, отъ томъ что игнорилось во енархіяхъ. Безначаліе просвиралося и гна многие монастыри; тамъ также мало по малу надала строгость нравовъ, и гтуда проникла распушенность; прежнее раздѣленіе, просвиралося, они теперь дѣлались пріютомъ, либни и невѣжества. Темныхъ сторуль въ русской жизни до Петра Великаго, такъ много, что они дѣяты совѣтъ вѣдываютъ, свѣдана, а потому, картина этой жизни выводитъ вольды, мрачною. Но времени Петра Великаго, до второй половины 17 ст., слава появляться въ Москвѣ кievское ученіе. Типъ ихъ хорошо извѣстенъ. На первыхъ порахъ они были приняты въ сколицѣ не благосклонно, нему причиною: отчасти служили, они, сами, а отчасти, неразборчивая дозорительность, ихъ противниковъ, видѣвшихъ въ нихъ не рускомъ, духовномъ, образованіи, а въ сѣвляхъ, католичества. Дѣятельность кievцевъ на сѣверѣ, поэтому, не приняла широкихъ разбровъ и до начала 18 ст. не принесла адѣе существенно, важныхъ плодовъ. во влѣствіе него, у историковъ петровской эпохи, встрѣчаются тѣже жалобы на невѣжество, духовенства, и деморализацию народа, какія слышались и раньше. Характернымъ памятникомъ этихъ жалобъ служитъ, между прочимъ, книга о скудости и богатствѣ крестьянина Ивана Посошкова. Отъ природы умный и любознательный, Посошковъ усердно заботился о своемъ самообразованіи; горячо любя Россію, онъ прилежно иилъ въ нее, что могло познакомиться, его съ ея прошедшимъ, съ ея исторіей и съ ея настоящимъ,

современнымъ ему положеніемъ. Матеріальныя средства къ пріобрѣтенію книгъ и записокъ у него были. Посошковъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ православія, религіозности въ русскомъ народѣ и объяснялъ этотъ печальный фактъ вѣковымъ невѣжествомъ духовенства; отъ образованія же духовнаго сословія онъ ожидалъ всего лучшаго въ данномъ случаѣ для своихъ соотечественниковъ, „Аще будутъ, писалъ онъ, въ духовномъ чинѣ люди неученые, въ писаніи неискусные и вѣры христіанскойъ всесовершенство основанія невѣдущія и воли Божіей неразумѣющіе, ктому же аще будутъ пѣяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша вѣра вся исказится и весьма испразднится, и вмѣсто древняго единогласнаго благочестія вси разыдутся въ разногласныя расколы и во иныя еретическія вѣры“. Доказательство этой мысли у него было подъ руками. „Отъ пресвитерскаго небреженія, говоритъ онъ, уже много нашего россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось,.... въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обратится древняго благочестія держащихся“. Невѣжество духовенства положительно удивляло Посошкова. Между столичными священниками встрѣчалъ онъ такихъ, которые не умѣли ничего сказать „противъ заданія татарки“, — „что же можетъ рещи (спрашиваетъ онъ) сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ“? — Безъ знанія сущности вѣры и ея основъ, конечно, немислима была проповѣдь. И она давно замолкла на Руси; это и не удивляло Посошкова, какъ дѣло обыкновенное. Больше онъ смущался тѣмъ, что богослуженіе отправлялось „наугадъ, какъ кому примыслится“, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда его совершалъ „той пресвитеръ, кой довольное время былъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ. А буде кой подъ началомъ не много побылъ, продолжаетъ Посошковъ

те ничего и по книгамъ отправить не могъ" (1). Жалуюсь на безнравственность духовенства, Посошковъ преобладающими и особенно предосудительными пороками его называетъ пьянство и корыстолюбіе (2), развившіяся вслѣдствіе матеріальной и духовной бѣдности клириковъ, не имѣвшихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ вымогательства за требы, вознагражденій за укрывательство раскольниковъ, за поблажку прихожанамъ, или наконецъ, кромѣ прибытковъ съ земледѣльческаго промысла, которымъ доводилось заниматься лично, и священникамъ, — не имѣвшихъ болѣе высшихъ наслажденій, какъ залить горе виномъ, или отпраздновать радость въ пьяной компаніи. Не стѣняясь саномъ и своимъ высокимъ положеніемъ въ средѣ мірянъ, клирики производили соблазнъ безобразнымъ поведеніемъ на улицахъ и дома (3). Такимъ образомъ, получалось не воспитательное, а напротивъ, деморализующее вліяніе со стороны пастырей на паству. — Въ своей краткой характеристикѣ духовенства Посошковъ еще многого не договариваетъ. Какъ поклонникъ духовнаго чина, онъ, можетъ быть, и нарочно умалчиваетъ о его некоторыхъ порокахъ, и скорѣе переходитъ къ изысканію жѣръ исправленія клира. Средства къ тому, чтобы священникъ чинъ освободился „отъ своихъ неключимствъ, чтобы въ Россіи возсіялъ яко новыи свѣтъ и люди прямо стали разумѣть, какъ Бога знать и какъ Его молить и какъ угодниковъ Божіихъ почитать и въ помощь себѣ призывать и какъ все житіе свое христіанское вести“ — у Посошкова предлагаются тѣ же, какія предлагались и раньше его, т. е. школы для дѣтей духовенства. „Ради священнической несправности (читаемъ главѣ о духовности) надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе имѣти“, т. е. „во всѣхъ епар-

(1) Книга о скудости и богатствѣ, гл. 1, стр. 9, 10, 14, 21, 22..

(2) Стр. 21, 10.

(3) Стр. 21.

лишняя для достижения иного и была обидна: общему явлению общая ревность в труд. Честь основания и поддержки школ принадлежать им вполне. Правительство только одобряло и в своем авторитетом санкционировало их (труды указами; хотя последние нередко впрочем шли в разрыв с интересами духовно-училищного дела и тормозили его).

2) Духовные школы в петровскую эпоху. Главных деятелей, заботившихся об устройстве школ при Петре, можно разбить на три разряда. Один составляли лица, получившие образование на севере России, самоучкой, путем простой начитанности, образование не систематическое, и чуждое иностранного элемента; сущность его состояла в знакомстве с св. писанием, святоотеческими произведениями и с русской духовной литературой. Другой разряд состоял из лиц, образованных в южно-русских школах (преимущественно в киевской коллегии) и вынесших отсюда любовь к схоластической науке. К третьему разряду следует отнести людей, знакомых с схоластической наукой, но не питавших к ней особенных симпатий, даже предпринимавших борьбу против ее крайностей. Представители всех этих разрядов волею судьбы оставили следы своего воспитания на тех школах, которые были ими основаны или находились под их надзором, хотя духовное правительство старалось установить общую норму в образовании будущих служителей церкви, составило программу предметного обучения и предписало возможности держаться ее.

Один простой проект устройства духовной школы и самую простую программу обучения в ней находим у Посошкова, человека мало знакомого с училищными порядками, но хорошо понимающего настоятельную потребность русского народа в духовенстве. Он надвинул исключительно на себя стенограмму, он подавал свои «писания» и доношения относительно духовных школ митрополиту Стефану Лавр-

скому, какъ болѣе компетентному судѣ въ данномъ случаѣ. На первомъ планѣ у Посошкова стоитъ грамматика. Ее онъ совѣтуетъ исправить и сдѣлать общедоступною, такъ чтобы она изучалась любителями грамоты безъ помощи учителя. (1) Потомъ, по его проекту, при школѣ долженъ быть „духовный учитель“, подъ руководствомъ котораго можно было бы „учиться и вразумляться всякому благочестію и страху Божию и священная писанія толковати и всякому доброму нраву навикати и въ доспытаціяхъ подтвержда- тися“. Т. е. обязанностію духовнаго учителя, говоря подробнѣе со словъ Посошкова, было: чрезъ толкованіе св. Писанія преподавать основныя христіанскія истины, религіозныя и нравственныя — научить будущихъ пастырей „церковному обхожденію“, при чемъ особенное вниманіе обращать на литургію; упражненіями въ диспутахъ развить въ ученикахъ полемическую способность, необходимую въ священникѣ, когда его паства смущается расколомъ и другими „еретическими лжеученіями“; слѣдить за благоповеденіемъ воспитанниковъ, узнавать ихъ нравственныя наклонности и умственныя способности: лучшихъ отмѣчать, какъ особенно годныхъ для церковнаго служенія, и попреимуществу готовить ихъ къ принятію сана. Обязанности свѣтскаго учителя у Посошкова не выяснены. Реторику и философію Посошковъ допускаетъ въ школѣ какъ роскошь и назначаетъ ихъ только для самыхъ даровитыхъ учениковъ. При школѣ должна быть биб-

(1) Грамматикѣ Посошковъ давалъ особенное значеніе. Онъ разсуждалъ: невѣжество народа зависитъ отъ невѣжества духовенства; послѣднее невѣжественно, потому что безграмотно; его нужно научить читать книги (въ механическомъ смыслѣ читать); слѣд., нужна «добрая грамматика. Полагаясь на грамматикѣ и руководясь личнымъ опытомъ, онъ, какъ самоучка, на первыхъ порахъ какъ будто не признавалъ нужды въ школахъ и больше полагался на самообученіе. «Если намъ тожко въ школахъ учиться всякаго благоразумія (писалъ онъ), то чаю не во сто лѣтъ намъ не научиться будетъ». Довошеніе м. Стефану Яворскому, Изд. М. Погодина, ч. 1, стр. 312. Хр. Чт. 1878 г. Прилежава, «О неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова».

ліотека — изъ книгъ, главнымъ образомъ, духовнаго содержанія (¹). Подготовивъ ученика теоретически къ его будущему служенію и сообщивъ ему добрыя навѣки, Посошковъ напутствуетъ его изъ школы практическими совѣтами, пригодными для него въ ежедневномъ обращеніи съ паствою. Чтобы оградить дѣятельность священника въ приходѣ отъ не заслуженныхъ нареканій и сообщить ей нормальную законность, онъ пишетъ проэктъ о церковныхъ документахъ, о книгахъ родильныхъ, крестильныхъ, исповѣдальныхъ, причащальныхъ, вѣнчальныхъ и описныхъ (²). Наконецъ, Посошковъ пытается рѣшить и вопросъ о матеріальномъ бытѣ духовенства.

Какъ видимъ, проэктъ Посошкова не отличается ни обширностію, ни новизною взгляда, ни особенною отчетливостію. Онъ выросъ на почвѣ тогдашняго великорусскаго образованія, не подвинувшагося дальше священныхъ и церковныхъ книгъ и державшагося исключительно на переводной и подражательной (русской духовной литературѣ, хотя, нужно сознаться, этотъ проэктъ хорошо примѣнялся къ современнымъ насущнымъ нуждамъ духовенства. Отсутствіе новизны и оригинальности взгляда въ немъ и послужило, кажется, причиною непопулярности его въ петровскую эпоху, эпоху всевозможныхъ новшествъ и крутыхъ реформъ. Правда, у Посошкова встрѣчаются мечты объ устройствѣ „академіи великой“, т. е. высшей духовной школы, но составъ этой академіи у него совсѣмъ не обрисованъ и сказать о ней что нибудь опредѣленное нельзя. Школа, рекомендуемая имъ для каждой епар-

(¹) Для составленія библиотекъ рекомендуется напечатать довольное число Библій, маргаритовъ, сборниковъ учительныхъ, толковыхъ евангелій и апостольскихъ безѣдъ, четыхъ-миней и другихъ церковныхъ книгъ, Камень вѣры, Розыскъ и Зерцало очевидное (написанное самимъ Посошковымъ). Пращицу и если можно, сочиненія противъ древнихъ ересей и противъ католичества и протестантства.

(²) Хр. Чт. 1878 г. Прилежаева, стр. 62 и дал.

инициаты, вышнейшим образом короткую диспутацию и полемическую на защиту православия против католицизма (собрание в этою целью) преподавались в курсах риторика, философия и богословие, за образец которых взяты были лекции славянских ученых, с опущением отрывков, догматически противоречивших духу православия. В 1808 в Киевская коллегия была единственным образцовым училищем в России; питомцы ее были образованнейшими людьми в русском духовенстве. Изучивши латинско, поэтому, что Петр, приказав (в 1704) изгнать Стефану Лворскому и в Москве учредить академию от латинскими учениями в Ив. Юлиана, по распоряжению государя, приглашены были учителями подготовленные ученики; от ними перешли в Москву и киевская учебная программа и школьная администрация. Короче, сказать, на север России, ввиду отсутствия южно-русского типа, училище образовано для других духовно-учебных заведений, которые тогда только за другим, начали появляться, по аналогии, в провинциях. Учения латинская, нашли себя вкратце на практиках во вновь учреждавшихся школах, как и потому, что утверждены были правительством, так и потому, что им симпатизировали многие епархиальные архиереи (южно-руссы по происхождению), вельможи, посредственными знатоками, которых составляли училищные советы, хотя, многим школам, тогда в недостатке материальных средств, и мало за нами, за короткую программу киевской коллегии, была далекая по силам. Например, в Ростов, вв. Дмитрий, основатель школы (в 1702 г.) ввел в ней изучение латинского языка, не смотря на то, что до сего времени, ввиду недостатка, не мог рассчитывать на принятие своего заведения (оно скоро и закрылось) и потому, большею частью, для детей, мог бы и не потребовать много часов на основательнейшее учение предметов, специально отбывавших их будущей профессии. Благодаря учителям — малороссам, прибывшим в Ростов вместе с митрополитом, мальчишкам вдоволь, и школы

принуждены были изучать еще польскій и греческій языки. Латинскій языкъ былъ введенъ и въ Черниговской епархіальной школѣ (основ. въ 1700 г.), которая тоже не могла похвалиться особливими успѣхами педагогическаго дѣла и поступила бы лучше, если бы главное вниманіе обратила на русскій языкъ и др. болѣе необходимые и доступные дѣтямъ духовенства предметы. Покровителемъ этой школы былъ Іоаннъ Максимовичъ. Въ Смоленскѣ—тоже самое: м. Дороей Короткевичъ и учитель Іоасафъ Маевскій сформировали въ 1714—15 гг. училище „по реторику“ по образцу кievской коллегіи, которое чрезъ при года, со смертію Дороея, осталось съ 19-ю учениками, проходившими уже только чтеніе, письмо и пѣніе⁽¹⁾. Лучше шло преподаваніе въ бѣлоградской школѣ, основанной еп. Епифаніемъ. Тамъ нашли возможнымъ открыть семь классовъ (по философію); численность учениковъ доходила до сорока человѣкъ; въ каждомъ классѣ занимался особый учитель. Но отсутствіе хорошей библіотеки и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и здѣсь сильно вредило дѣлу, такъ удачно начатому. Въ рязанской школѣ, съ тѣхъ поръ какъ она поступила подъ покровительство Гавріила Бужинскаго, изучали: букварь, славянскую грамматику, часословъ и псалтирь. Кажется—къ чему тутъ латинскій языкъ? А онъ былъ введенъ. Въ Казанской школѣ при м. Тихонѣ пятеро учениковъ изучали: „букварей на изусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орфографіи, этимологіи, просодіи орфографійной и синтаксиса осми частей слова, уравненій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій; такожде діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, деклинацій и регулъ со экспликаціями и писанія того же діалекта, о седми тайнахъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій.... такожь интермедій; ариѳметическихъ

(¹) Прав. Соб. 1878 г. ноябрь, стр. 44—2.

частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаци и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго“. Если всё эти, по существу не мудренныя вещи, преподавались на такомъ же варварскомъ „діалектѣ“ то школьникамъ, конечно, не легко было усвоить ихъ, а преподавателемъ былъ „учитель польской породы Василій Свентицкій“. (1) Школа улучшилась при преосвящ. Сильвестрѣ. Онъ выстроилъ удобный домъ для помѣщенія училища и прискалъ средства для его содержанія.—Вообще нужно замѣтить, что епархіальныя училища разсматриваемой эпохи постановкой учебнаго дѣла не въ силахъ были осуществить педагогическихъ плановъ, указанныхъ законодателями, копировавшими школьную программу съ академической. De facto эта программа выполнялась только въ академіяхъ кievской и московской, находившихся въ исключительныхъ, сравнительно благоприятныхъ условіяхъ — матеріальныхъ и административныхъ. На ряду съ академіями по успѣху учебнаго дѣла стояла одна только школа Новгородская. Она при своемъ основаніи имѣла счастье пользоваться услугами просвѣщенныхъ братьевъ Лихудовъ и покровительствомъ безкорыстнаго ревнителя духовнаго образованія м. Іова. На сколько солидно велось здѣсь обученіе, видно изъ того, что она служила въ свое время какъ бы учительскимъ институтомъ для другихъ училищъ; ея ученики основали до 16-ти низшихъ школъ въ предѣлахъ новгородской епархіи; самъ государь смотрѣлъ на нее, какъ на образцовую школу, посылалъ туда дворянскихъ недорослей для обученія и иностранныя книги для перевода,—порученія какія выпадали только на долю академій. (2)

(1) Отчетъ Св. Синода, поданный въ Верхов. Тайный совѣтъ въ 1727 году. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ стр. 109—21.

(2) О новгородскихъ школахъ см. ст. Прилежаева, Хр. Чт. 1877 года, мартъ—апрѣль, стр. 331—70.